

Марина Крамер

Удержи меня

T8 Rugram

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К77

Крамер, М.

К77 Удержи меня / М. Крамер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 332 с.

ISBN 978-5-517-04348-1

Маша и Артем — вполне благополучная на первый взгляд семья. Растет дочь, увлеченно занимающаяся балльными танцами, все хорошо на работе, но что-то не так. Маша не может понять, почему ее муж изменился: ведь у него нет никаких поводов...

Однако все это — только на первый взгляд.

Когда приходит беда, все меняется. Близкие становятся чужими, а те, которые казались врагами, раскрываются совершенно с другой стороны.

И только Любовь все ставит на свои места.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Крамер М., 2021
© Enzh, художественное оформление, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-517-04348-1

Мама

Жизнь так быстро делится надвое, оказывается... Раз — и все, есть до и после. А между ними нет ничего, кроме пустоты и ужаса, сжимающего сердце ледяной рукой. Этот ужас не оставляет ни на секунду, заставляет просыпаться ночью, обливаясь холодным потом, это он давит все сильнее и сильнее, не давая отвлечься ни на секунду, постоянно напоминает — все, дорогая, теперь выбор невелик. Все, что было в жизни хорошего, остается там, в части «до», а после... Это еще надо посмотреть, какая она будет, часть жизни после.

И есть еще одно — постоянно долбящая в виски мысль — а почему я? За что мне? Что я сделала не так, чтобы теперь расплачиваться таким жестоким способом?

Хотя лично у меня на этот счет есть одна идея...

В тот момент, когда знакомый врач, собрав в кучу результаты обследований, нервно застучал пальцами по столу, не зная, как начать разговор со мной, я вдруг развеселилась и выдала:

— Паша, ну, что за хрень — груди почти нет, а рак есть! Разве так бывает?

Пашка решил, что у меня крыша поехала:

— Что ты мелешь? Какой рак?

— Ой, только без этого давай! Я ведь не бабуся с лавочки, я всю жизнь в больнице работаю, и прочитать диагноз на латыни уж как-нибудь! Ну, теперь что?

Доктор знал меня давно, лет десять, наверное, еще с ранней юности, поэтому крутить не стал, вздохнул и проговорил, глядя в листки с анализами:

— Да, Маша, ты все правильно прочитала... Но ведь можно с этим жить, можно сделать операцию и жить.

— Зачем?

— То есть... — растерялся Пашка. — У тебя же муж, дочь... ты ж институт решила закончить...

— А надо — теперь?

— Ты, идиотка! — заорал он, вскакивая. — Если бы я знал, что ты так будешь себя вести, ни за что не взялся бы заниматься тобой! Ирка спасибо скажи!

— Спасибо, — механически бросила я.

Ирка — моя приятельница и Пашкина любовница, мы знакомы несколько лет, и именно к ней я кинулась, обнаружив эту чертову шишку в груди.

— Тебе к психиатру нужно! — орал между тем Лаврушин, меряя шагами узкий, темноватый кабинет. — Понимаешь, дура набитая?! Начнешь лечиться пока, а там будет видно. Вот, возьми! — он порылся в ящике стола и протянул мне пузырек, набитый какими-то таблетками.

— Что это?

— Валерьянка! — отрезал он. — По две три раза, и голову ерундой не забивай! Завтра утром приезжай, начнем пока капельницы.

— Может, я у себя договорюсь, а то сюда через весь город? — почти механически спросила я, и Пашка согласно кивнул:

— Смотри, как тебе удобнее. У себя — так у себя.

Я вышла из здания диспансера на автопилоте, сжимая в руке пузырек с таблетками, дошла до остановки, с перепуга забыв даже номер нужного автобуса. Из глаз текли слезы, я их даже не вытирала уже — толку-то... Никто из стоявших на остановке людей не обращал на меня внимания, все прекрасно знали, какое лечебное заведение находится здесь, а отсюда редко кто выходил с улыбкой.

Моих дома еще не было, дочь на тренировке, муж на работе, тишина... С трудом заставив себя приготовить ужин, я ушла в спальню и легла там, прихватив какую-то книжку, но читать все равно не смогла, просто лежала, уставившись в потолок. В голову лезла всякая чушь, отогнать которую сил не было. Примерно через час послышался звук открывающейся двери и детский голос:

— Мам, ты дома?

— Дома.

Надо бы встать и в коридор выйти, а желания никакого — увидев мои зареванные глаза, муж только разозлится опять, и снова вечер в гробовом молчании, недовольное лицо и вечный футбол по телевизору. Вся жизнь проходит на этом зеленом газоне в обществе двадцати двух мужиков, гоняющих мяч...

— Мам, ты чего в темноте-то лежишь? — восьмилетняя Юлька плюхнулась на кровать рядом со мной.

— Как тренировка? — машинально спросила я, поправляя сбившийся набок ее белокурый хвост.

— Нормально.

— Олег был?

— Был.

Олег — это Юлькин партнер по бальным танцам, и его нежелание порой идти на тренировку у нас в семье всегда вызывает бурю эмоций. Танцы — дело парное, и тренироваться одной неудобно и трудно, поэтому Юлька всегда очень сильно переживает и страдает, если вдруг партнер решил прогулять. Но сегодня, значит, все в порядке.

— Мамка, ты нас покормишь? — раздался из кухни голос мужа.

Вот так всегда — что ты, не можешь сам открыть стоящую на плите сковороду и заглянуть в холодильник? Или не знаешь, где в доме посуда? Нет, но дело в принципе — раз дома, дорогая жена, то оторви зад и подай мне, я ж работаю, а ты ни хрена не делаешь, только вечно прикидываешься больной.

— Артем, я плохо себя чувствую, поужинайте сами...

— Да ты когда себя хорошо-то чувствовала? — зайдя в спальню, чтобы переодеться, бросил муж. — Я такого не помню. Болеешь — иди в больницу.

— Я там была сегодня, — я почти прошептала это, чувствуя, что сейчас снова заплачу.

— Ну? — даже не глядя на меня, спросил Артем, натягивая шорты.

— Юля, иди к себе, — попросила я развесившую уши дочь, и та неохотно встала и побрела в свою комнату. — Что — ну? У меня рак, Артем.

— Что у тебя? — удивился он, словно не замечал, что в течение нескольких месяцев я езжу в больницу, худею катастрофически, выпадая из всех своих вещей, и постоянно плачу.

— Ты слышал.

— Ерунда это все, — безапелляционно заявил он, и его лицо скривилось в скептической усмешке. — Придумаешь себе вечно!

Вот так, словно не было на моей левой груди заклейки из пластыря, скрывавшей место биопсии, словно вены на руках не были в следах от уколов. Видимо, так проще — отогнать от себя неприятную мысль, и больше к этому не возвращаться, не замечать, не думать. Здоровый мужской подход.

— Так ты ужинать будешь с нами или нет? — перевел разговор в привычное русло муж, давая мне понять, что хватит, тема закрыта, больше обсуждать нечего.

— Нет.

— Ну, началось! Опять несчастная!

— Да уйди ты отсюда! — заорала я внезапно, сев на кровати. — Только и думаешь, что о жратве да о футболе, а на меня наплевать!

— Покрутилась бы с мое на работе, а не лежала бы воронкой кверху, я тогда посмотрел бы, о чем бы ты думала! — заорал он в ответ. — Привыкла, лежит и ножкой подрыгивает, королева, блин!

Мне стало обидно до слез — я совсем недавно уволилась с работы, чтобы иметь возможность побольше времени уделять Юльке и попытаться закончить институт, и, если вдруг укладывалась днем

на диван, то только потому, что ноги иногда не держали, и слабость накатывала, клоня в сон. И это всегда раздражало Артема, хотя он сам-то, если не был на работе или не играл в чертов футбол, тоже регулярно находился в лежачем состоянии. Это называлось — папа много и тяжело работает, ему нужно отдыхать. Как будто все остальные не работают!

Он вообще в последнее время жил какой-то отдельной от нас с Юлькой жизнью, редко бывал дома, если бывал, то раздражался по пустякам, орал на дочь за любое не так сделанное движение, не там положенную ложку, не так написанную букву в тетради. Юлька от его крика тупела на глазах, сжималась в комок и делала еще хуже.

Я помочь ничем не могла — стоило мне открыть рот, как тут же начиналась вторая серия — какая я ленивая, какая грязь у меня дома (что было совершеннейшей неправдой), как он, Артем, вечно ходит голодный и холодный, уставший и переработавшийся. И как я только и знаю, что сосу из него деньги на Юлькины танцы да на походы по магазинам. Я уже давно по ним не хожу, по этим самым магазинам, просто потому, что денег нет, просить у него не хочу.

Словом, семейная жизнь в последнее время дала какую-то трещину, которая все углублялась с каждым днем.

Возможно, отчасти я была сама в этом виновата — в ту пору, когда мы с ним познакомились, он был довольно известным в городе футболистом, я смотрела на него во все глаза. Когда стали жить вместе, не выходила из кухни, встречая и провожая его на тренировки и сборы накрытым столом с перечнем блюд не менее четырех, и, по возможности, каждый раз разных. Я стирала его форму, выслушивала рассказы о матчах, смотрела футбол вместе с ним, не пропускала ни одной домашней игры его команды, даже когда появилась Юлька — брала ее с собой. Разумеется, к хорошему быстро привыкаешь.

Потом мы купили квартиру, и я, как раз выйдя из декрета на работу, делала там ремонт, наняв строителей, в то время, как мой Артем продолжал ездить в поездки и наведывался только с инспекцией, чтобы в очередной раз довести меня до слез придирами — то тут не

то, то тут не так, то выключатель не такой, то двери не те, то цвет стен не устраивает. Словом, то лето было сплошным кошмаром. Откуда мне, всю жизнь прожившей с родителями, знать такие подробности о ремонте? У меня был трехлетний ребенок и ночная работа — не меньше трех дежурств в неделю, я ждала выходного, как манны небесной, чтобы можно было упасть на диван, отправив Юльку к родителям, и спать столько, сколько влезет.

Никто ни разу не оценил моих трудов — Артем искренне считал, что работа у меня не особо тяжелая, подумаешь, медсестра в больнице скорой помощи, ерунда какая!

Когда Юльке исполнилось четыре, я отдала ее в школу бального танца. Больших способностей у нее не оказалось, но танцевала она с удовольствием, даже партнера ей дали, и это тоже повисло на мне. Первый год на тренировки ее водила мама, потом ее рабочий график стал таким, что она перестала успевать, и пришлось мне уговорить старшую медсестру не ставить мне дежурств по тем дням, когда нужно было вести Юльку на танцы. Плюс к этому мы отдали ее в модный садик в центре города, остановок десять — двенадцать от дома, приходилось ездить за ней на автобусе, потом Артем купил машину, но мог только отвозить Юльку утром, а забирала уже я. Тогда еще четырехлетняя Юлька ковыляла своими ногами до остановки через три улицы, ни разу не попросившись на руки, а зимой, в теплой шубе и шапке, была похожа на маленького косолапого медвежонка, перемещающегося ножками рядом со мной. Я устала от этих ежедневных поездок, и через год мы перевели ее в садик рядом с домом, стало немного легче.

Зато добавилось других проблем — на тренировки приходилось возить еще и ее партнера, забирая его из другого детского сада. Этим тоже занималась я, моталась туда-сюда по пять раз на день. Забрать ее, забрать его, отвести на тренировку, дожждаться, когда закончат, развести снова по садикам, заскочить домой, схватить на ходу что-нибудь поесть, а чаще и ничего не схватить, и бежать на работу, благо, что больница рядом с домом — через дорогу буквально. Того, что